

Борис Кагарлицкий

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ "ДИАЛЕКТИКА НАДЕЖДЫ" *

ИЗ ГЛАВЫ "ТРАГЕДИЯ БОЛЬШЕВИЗМА"

Хотя изучение английской революции ведется уже несколько столетий, а французская революция 1789 г. стала предметом многочисленных исследований и острых споров, пожалуй нет революции, о которой было бы столько написано как о нашей российской. И ни об одной партии не сложено столько легенд и мифов, как о большевиках. Вымыслы, сознательная ложь псевдоинтерпретации стали вполне обычным явлением в учебниках истории еще давным давно, но когда речь заходит о 1917 годе, здесь уже хочется закричать — "пощадите!" Одни представляют большевиков как лицемеров, другие как фанатиков, третьи видят в них героев без страха и упрека, сверхчеловеков и полубогов. В ход идут только черные и белые краски, порой кажется, что перед нами не разные изображения, а лишь негатив и его отпечатки, так похожи эти картины друг на друга.

Историки, изучающие большевизм, стремятся прежде всего вынести ему приговор. Дискуссия о русской революции напоминает затянувшуюся на многие десятилетия тяжбу безо всякой надежды на окончательное решение — вроде той, что описана у Диккенса в "Холодном доме". В этом споре, пользуясь словами М. Блока, "бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями".¹ Но прежде чем судить, надо понимать. А во многих случаях, после того как возникло понимание, сама идея приговора теряет всякий смысл. В истории однозначные оценки крайне опасны, если же речь идет о событиях революции — тем более.

* Рукопись этой книги попала в "Самиздат" в 1980 г. Одна из ее глав была напечатана в 7–8 номере журнала "Проблемы Восточной Европы" /1983 г./ под псевдонимом "В.Краснов". Приведенные выше отрывки, как и глава в 7–8 номере, печатаются без ведома автора. — Ред.

В сущности, однако, и советские официальные учебники, и антикоммунисты излагают события примерно одинаково, лишь по-разному расставляя оценки. Как буржуазный, так и бюрократический миф о Ленине исходят из ряда общих идей. Во-первых, русский революционер выглядит в них противником демократии и плюрализма, в сущности, тираном. Советские бюрократы, конечно, возмутятся при этих словах и заявят, что их неверно толкуют — они-де всегда говорят как раз о демократизме Ленина. Но ни для кого не секрет, что на их языке "демократией" называется нечто, на человеческом языке обозначаемое словом "тирания", поэтому мы предпочтем называть вещи своими именами и постараемся избежать ловушек терминологической путаницы, расставляемых на нашем пути с демагогическими целями. Итак, перед нами возникает образ партии, презирающей волю большинства, ни во что не ставящей идеи прав и свобод, короче, тоталитарной партии. Эта организация, по мнению как бюрократов, так и буржуа, должна рассматриваться как прямой предшественник сталинской партии и нынешней КПСС. В сущности, вся история нашей страны после 1917 года есть некий прямой путь, по которому она идет, по мнению одних, от победы к победе, по мнению других, от преступления к преступлению. Эта концепция отрицает развитие и качественные сдвиги, история СССР предстает как набор фактов. У этой теории есть еще одна особенность. Ленин и его друзья, а затем Сталин, предстают в ней абсолютными творцами истории. Все, что случается, происходит по их воле. Мановением руки они создают институты и установления, несколькими декретами меняют всю жизнь страны. Им все подвластно, и они свободно выбирают историческое будущее. Поэтому с точки зрения одних наше настоящее есть величественное создание их рук, с точки зрения других — продукт их злой воли. Их всеисилие настолько велико, что мы уже готовы провозгласить "Аллилуйя!"

"Прошла зима, настало лето.

Спасибо партии за это!"

Другие, напротив уверены, что именно проклятых "красных" надо винить в солнечном затмении, разливах рек и появлении комет.

Итак, злодеи или ангелы, они все же провозглашаются беспредельно свободными, всеведущими и всеисильными. Даже

Эрнст Фишер поддался влиянию этой историографической традиции, с которой всю жизнь боролся, говоря, что русская революция произошла благодаря "гению Ленина", а не "исторической необходимости".² При таком подходе любые попытки объективно изучить и рационально осмыслить события 1917 года изначально обречены на провал. Но разве здравый критический рассудок не восстает против этой теории? И разве она помогает нам всерьез понять судьбу большевизма? Нет. Она создана лишь для того, чтобы легче было оправдывать или осуждать. Это тем проще, что реальную историю уже плохо помнят. "За давностью и непрерывностью господства, — писал Николо Макиавелли, — исчезает даже воспоминание о бывших когда-то переворотам и об их причинах; всякая же перемена раз происшедшая влечет за собой другую".³ Нынешнее общество делится на тех, кто мечтает продлить свою власть, и на тех, кто надеется на изменения. Классовые интересы правящих групп заставляют их искажать историю, мифологизировать ее. Но трудящиеся классы должны знать правду, действительное положение дел в прошлом, чтобы лучше понять настоящее и избежать ошибок в будущем. Поэтому надо всерьез разобраться в том, что происходило в России, начиная с неповторимой зимы 1917 года. "Философский смысл идейных коллизий и битв начала века, — писал советский историк М. Гефтер, впоследствии один из основателей подпольного журнала „Поиски“, — нам во многом виднее, чем самим участникам этих битв, а возможно он для нас сейчас еще более важен. Во всяком случае преимущество обозрения исторического пути уже в какой-то мере завершившегося и обозначившего свои результаты, только в том случае является действительным преимуществом, когда прошлое становится критерием и стимулом нового действия".⁴

Война, продолжавшаяся уже в течение трех лет привела русскую экономику к полному развалу. Прежде всего резко ухудшилось положение с транспортом. "Считая среднюю месячную перевозку 1913 года за сто, в 1914 г. в июле было перевезено 72% хлебных грузов по отношению к июлю 1913 г., в августе только 35%, в сентябре 47%, в октябре 58%, в ноябре 53%. Ни разу перевозка хлебных грузов, — рассказывает М. Покровский, — по железным дорогам не достигала у нас норм мирного времени,

держалась все время ниже 60%. Вот вам наглядный образчик влияния разрухи транспорта на непосредственное снабжение населения. В результате, как вы догадываетесь, цены должны были расти, и росли они с катастрофической быстротой".⁵ Положение ухудшалось изо дня в день, однако правящие круги явно не торопились с переменной курса. И дело было не только в том, что царь и его окружение были не в состоянии что-либо изменить из-за своей тупости и упрямства, но и в том, что даже проигранная война приносила огромные доходы. Как выяснилось, уничтожение русской экономики было весьма прибыльным делом. Капиталисты получали ценные заказы, каких они не знали в мирное время. "В течение 1915 года, — сообщает Покровский, — было основано 136 новых акционерных компаний с капиталом в 189. 000. 000 золотых рублей. В течение 1916 года только до 1 октября было основано новых акционерных компаний 159 с капиталом в 210 миллионов рублей".⁶ Процветала, естественно, только промышленность, работавшая на войну. Вся остальная находилась, напротив, в глубоком застое. И эта диспропорция, в свою очередь, очень болезненно отзывалась на отнюдь не крепкой российской экономике. Русской торговле война нанесла смертельный удар, прекратив экспорт хлеба. Впрочем, экспортировать было уже нечего. Урожай к 1917 г. упал до 30-40% по отношению к довоенному времени. Вот почему получалось, что, с одной стороны, хозяйство приходило в упадок, а с другой, военно-промышленный комплекс, составлявший самую сильную группу русской промышленной буржуазии, был настроен отнюдь не пацифистски. Удивительно, но все же не подлежит сомнению, недовольство царем со стороны верхушки русской буржуазии было вызвано вовсе не ошибками Николая II, а как раз его намерением их исправить. Именно император, чувствуя, что почва уходит из-под ног, искал выхода в перемирии с немцами. Но ему не предоставили такой возможности.

План Николая состоял в том, чтобы "разогнать думу, объявив манифестом прирезку земли крестьянам... и объявить одновременно равноправие национальностей в России, чтобы дать этим удовлетворение евреям, которые с точки зрения са-

модержавия, рассматривались как главная революционная сила. Как известно, — замечает между прочим Покровский, — белогвардейцы и до сих пор так рассматривают русскую революцию”.⁷ Завоевав таким образом ”симпатии масс”, царь мог заключить с Германией мирный договор. Буржуазные думские партии, в свою очередь, начали готовить собственный переворот. Но ни та ни другая сторона не ожидали, что события могут развернуться так, как они развернулись — раньше чем они успели подготовиться, начались революционные выступления масс, вызванные затянувшейся войной, голодом и разрухой.

”Это было 27 февраля 1917 года, — писал монархист В. Шульгин. — Уже несколько дней мы жили на вулкане... В Петрограде не стало хлеба — транспорт сильно разладился из-за необычных снегов, морозов и главное, конечно, из-за напряжения войны... Произошли уличные беспорядки... Но дело было, конечно, не в хлебе... Это была последняя капля... Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти... И даже не в этом... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала...”⁸ Монархии в России пришел конец. Она изжила себя полностью и не было в мире силы, которая могла бы ее восстановить.

Многие либерально настроенные интеллигенты склонны думать, что, пожалуй, история пошла бы ”правильнее”, если бы революция ”остановилась” на буржуазной республике. Потом, говорят они, можно было бы вести в рамках парламентской демократии борьбу за социализм, если бы для этого были соответствующие условия. Увы, история развивается не по наиболее приятному пути, а по наиболее реальному. В 1905 г. действительно была возможность революции буржуазно-демократической, в 1917 г. революция с самого начала была пролетарской.

Начнем с того, что буржуазное Временное Правительство было создано для продолжения войны. В этом был смысл его существования, именно ради этого буржуазия боролась с царем, именно это было ее главной политической целью в революции 1917 г. Но на повестке дня стоял вопрос о мире. Поэтому Временное Правительство было изначально обречено. У него не было ни малейших шансов выжить.

Реальная сила в результате февральских событий оказалась в руках вооруженных рабочих. То что Ленин называл ”двоевластием” в действительности было бессилием формальной буржуазной власти и полным господством фактической пролетарской диктатуры. Впоследствии это признавали даже противники советской власти. ”Отныне хозяин — Совет”.⁹ Эти слова написал умный французский дипломат М. Палеолог еще 16 марта 1917 года, а затем снова повторял в своих воспоминаниях. М. В. Родзянко признает ”номинальный характер власти Временного Правительства”.¹⁰ Комиссар Временного Правительства на Северном фронте В. В. Станкевич писал, что ”несмотря на образование Временного Правительства, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, или, вернее, его Исполнительный Комитет вскоре стал бесспорно единственным вождем революции. Это было понятно для рабочей среды. Но почему Исполнительный Комитет завоевал армию? Ведь все офицерство было не на его стороне? Но это и было как раз причиной популярности комитета. Солдатская масса... восприняла Комитет, как антиофицерскую организацию и именно поэтому встала около него. Солдатской же массе уже принадлежало руководящее положение в армии”.¹¹

Бессилие Временного Правительства принимало иногда почти комические формы. ”Вы знаете, — рассказывал Покровский в своих лекциях, — что к Николаю за его отречением выезжали Шульгин и Гучков, но первоначально эту высокую честь, привезти в Петербург отречение Николая, стремился получить сам Родзянко и для этой цели властью Председателя Государственной Думы хотел получить поезд. Поезда ему не дали. Он должен был послать полковника, своего адъютанта, в Совет Рабочих Депутатов просить поезда, но и Совет Рабочих Депутатов поезда ему не дал, и Родзянко поэтому не поехал. Да и Гучков и Шульгин выехали только благодаря саботажу. Они отправились на вокзал и там частным образом какой-то инженер посадил их в какой-то поезд, так что и они выскочили из Петербурга фуксом, а совсем не поехали как уполномоченные правительства торжественным образом”.¹² Еще более невероятный случай рассказывает К. Шелавин в ”Очерках русской революции”. Группа анархистов захватила дачу царского гене-

рала Дурново. "Не успел 7 июня прокурор Петроградской Судебной Палаты отдать приказ об очищении дачи Дурново в 24 часа, как рабочие Выборгского района устроили демонстрацию против этого решения. Временное правительство оказалось бессильным и 10 июля предложило Исполнительному Комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов взять на себя дальнейшие мероприятия по ликвидации инцидента с выселением анархистов с дачи Дурново".¹³ Настоящей власти было бы достаточно послать взвод полицейских. Временное правительство вынуждено было вести длительные переговоры с Советом, кончившиеся ничем. Дачу так и не освободили, анархистов так и не арестовали, несмотря на многочисленные постановления, приказы и требования. Своих войск у "правительства" тоже не было. Большая часть фронтовых подразделений и весь петроградский гарнизон были под контролем Совета. "Этот контроль, — сообщал Каменев на апрельской 1917 г. конференции большевиков, — был осуществлен, когда по приказу Корнилова (того самого Корнилова, который позднее возглавил монархистский мятеж — авт.) должны были выступить войска, а Совет в это время заявил, что военные силы петроградского гарнизона находятся только в распоряжении Совета и войска не послушались распоряжения Корнилова. (...) Несомненно между тем, что приказ Корнилова был налицо. Что касается Москвы и провинции, то Советы являются там еще в большей мере действительными руководителями революции, чем в Питере".¹⁴

В этой ситуации единственная возможность для Временного Правительства завоевать хоть какую-то серьезную массовую опору была в мирных переговорах с Германией. Но как мы уже видели, капиталисты были заинтересованы вовсе не в мире, а в войне. Временное Правительство не могло пойти на такое рискованное предприятие, как мир, не переставая быть буржуазным, не теряя поддержки единственного класса, на который оно опиралось. Его положение было безнадежным.

Тем временем развал экономики продолжался. Покровский совершенно прав, когда пишет, что "русский пролетариат в конечном счете отражал лучше интересы русского народного хозяйства в целом, чем русская буржуазия. Он больше был заинтересован в спасении этого хозяйства. Он не мог не понимать

отчетливо, что война есть гибель для этого хозяйства, что война есть его разрушение. И в лице пролетариата, так сказать, инстинктивно говорил голос погибающего русского народного хозяйства".¹⁵

Советы были единственной организацией, способной хоть как-то водворить порядок в этом хаосе. Большевики, вопреки утверждению официальной "истории партии", не имели к их созданию и вообще к февральской революции никакого отношения. Советы возникли стихийно, как ответ рабочих на царящую в стране анархию и бессилие правящих классов. Большевистская партия в России в это время фактически не существовала, репрессии сделали свое дело. События февраля 1917 года были для них полной неожиданностью, большевики, вспоминая Покровский в числе других, "были захвачены этой революцией совсем внезапно (что единогласно они сами признают)".¹⁶ Стихийное движение масс породило все последующее развитие, которое вовсе не было запрограммировано или придумано Лениным. Напротив, именно объективная реальность диктовала большевикам принимаемые решения, шедшие зачастую совершенно вразрез с их собственными теоретическими установками. Рабочая социалистическая революция началась в самой отсталой европейской стране еще до того как Ленин и другие эмигранты успели вернуться на родину и что-либо предпринять. "Диктатура пролетариата, — по словам Покровского, — "де факто" была уже налицо 12 марта 1917 года. Ей восемь месяцев понадобилось, чтобы завоевать себе "де юре".¹⁷

Большевистская партия начинает быстро восстанавливаться сразу же после февральских событий. Однако она вовсе не является хозяином положения. Более того, маленькая революционная фракция, понемногу возрождавшаяся в условиях полного развала, была совершенно не в состоянии хоть как-то контролировать события, она была просто захвачена общим движением и вынесена на поверхность волной народной революции. У Советов было все, что необходимо для власти. У них в руках была армия, флот, транспорт. Старый государственный аппарат, по сути дела, бездействовал. Диктатура пролетариата на местах была реальностью. Недоставало только партии, способной создать компетентное советское правительство в центре.

И большевики, конечно, более чем кто-либо соответствовали этой роли. Их программные требования, еще недавно казавшиеся весьма абстрактными, сделались близки массе. Это была единственная партия, сохранявшая в хаосе 1917 года известную дееспособность и не скомпрометировавшая себя во время войны "оборончеством".

Первоначально большинство в Советах имели, как известно, традиционно более крупные партии – меньшевики и социалисты-революционеры. Поэтому Ленин, вернувшись из Швейцарии, рассчитывал, что эти партии смогут взять власть при поддержке большевиков и тем самым положить конец кризису. Когда в июле был выдвинут лозунг "Вся власть Советам!", это было прежде всего приглашение эсерам и меньшевикам встать во главе страны. Однако эти большие партии сами стали жертвами всеобщего распада. Они находились в состоянии полной дезорганизации и были совершенно неспособны хоть как-то выполнить свою миссию. Их лидеры больше всего на свете боялись власти.

4 июля стихийно начались демонстрации с требованием создания советского правительства. Большевики, на которых была возложена позднее вся ответственность за июльские события, были не в силах что-либо изменить. Они упорно уговаривали рабочих и солдат разойтись, понимая, что выступление преждевременно, что большинство Совета его не поддержит и что все провалится. Но события развивались совершенно независимо от воли ленинцев. Это окончательно выяснилось в ночь с 3-го на 4-е июля. "Ставится на обсуждение вопрос о назначении демонстрации на 4-е июля, – рассказывает Шелавин. – Предложение не устраивать демонстрации громадным большинством отвергается как явно утопическое. Для всех ясно, что выступление все равно будет и ЦК с ПК назначают на 4 июля мирную демонстрацию... Выпускается листок соответствующего содержания". 18

Произошло то, чего и следовало ожидать – меньшевики и эсеры, возглавлявшие Петроградский Совет, предпочли подать выступление вместе с Временным Правительством, нежели взять власть. Они были поражены полным политическим бессилием, неспособны предпринять хоть какое-нибудь активное действие. Им ничего не оставалось, кроме как поддерживать

эфемерное Временное Правительство, придавая этим ему хоть какую-то силу. Ибо правительство держалось лишь до тех пор, пока руководство Советов готово было с ним сотрудничать. Это был способ избежать ответственности, но это и был путь к самодискредитации. Временное Правительство становилось все более левым, на место конституционалистов-демократов приходили социалисты-революционеры, но оно оставалось таким же беспомощным. Слова заменяли дело. И хотя меньшевики и эсеры вполне могли выполнить свои собственные требования, провести аграрную реформу, что укрепило бы их позиции, они не сделали и этого. Современные бюрократические историки объясняют такое поведение тем, что эти партии-де были "агентурой буржуазии" в революционном движении. Но в сущности, аграрная реформа еще не была сама по себе антибуржуазной, напротив, она могла открыть путь для роста капитализма в деревне, где кулак окончательно пришел бы на смену помещику. Реформа затрагивала бы лишь небольшие слои дворянства и аристократии, которые в массе своей и без того были настроены монархически. Можно было бы, наконец, начать с церковных земель, как предлагал кое-кто из дворян, а затем уже осторожно начать раздел помещичьей земли. Дело было не в желании меньшевиков угодить помещику, а в полной неспособности этой организационно рыхлой и идеологически неустойчивой партии сделать даже то, что само собой стояло в порядке дня. Оппортунизм в условиях революции терпит прежде всего морально-психологическое крушение. Наступает политический паралич.

Временное Правительство получило отсрочку, но ничто не могло его спасти. Свалив на большевиков всю ответственность за "июльские дни", меньшевики совершили решающую ошибку. Лучшей услуги большевистской партии они оказать не могли. Ленин и его друзья не могли быть инициаторами демонстрации из-за своей слабости. До апреля 1917 года в России за пределами узкого круга профессиональных политиков вообще мало кто знал имена Ленина или Свердлова. Травля, начатая в газетах, придала им огромный авторитет. Действия, которые им приписывали, были одобряемы рабочими и солдатами потому, что на самом деле это были действия самих масс, совершенно стихийные и никем не спровоцированные. Отныне сторонники

советов готовы были отождествить себя с большевиками.

”Наиболее характерным эпизодом, — подытоживает Покровский, — было, когда меньшевики, получив большинство в Центральном Исполнительном Комитете первого созыва, тем не менее власть не взяли, а организовали правительство с Керенским во главе. Этот факт, когда люди, имея большинство, не решились взять власть, чрезвычайно характерен и знаменателен для этой эпохи. Очевидно, какая-то власть должна была придти, которая взяла бы на себя всю ответственность за все происходящее, которая решилась бы назвать то, что происходит в стране, т.е. социалистическую революцию, социалистической революцией. Осуществлена эта власть и была нашей коммунистической партией”.¹⁹

После июльских дней партия быстро начала расти. В ухудшающейся ситуации она являла собой образец организованности и стойкости. ”Между тем, — пишет другой большевистский историк Б. Горев, — рабочие и солдатские массы начали быстро разочаровываться в меньшевиках и эсерах, и влияние большевиков стало расти по всей стране и в армии в громадных размерах. Число голосов, поданных за большевиков на разных выборах в городские думы и Советы, все росло, начиная с лета 1917 г. В Совете рабочих депутатов Петербурга они тогда же получили большинство. Еще раньше у них оказалось большинство в фабрично-заводских комитетах. Росту влияния большевиков не помешало даже неудачное июльское восстание в Петербурге, которое вызвало бешеный взрыв буржуазной реакции, привело к многочисленным арестам большевиков, закрытию их газет и поставило их в полулегальное положение. Тираж их газет ”Правды”, московской ”Социал-Демократ” и солдатских газет рос несмотря на преследования, в то время как меньшевистского центрального органа ”Рабочей Газеты” (потом переименованного в ”Луч”) со 100. 000 в марте 1917 г. упал до 10—15 тыс. в сентябре. Ко времени октябрьской революции за большевиками было несомненно огромное большинство рабочих, большинство армии, значительная часть крестьян. Это обстоятельство, жажда мира, жажда земли, требование социальной революции, в связи с выступлением Корнилова, явно знаменовавшим борьбу буржуазии и помещиков против рабочих и крестьянства, и объяс-

няет сравнительно легкую победу октябрьской революции”.²⁰

Положение страны продолжало катастрофически ухудшаться. Еще в последние месяцы императорской власти начался стремительный развал армии. ”Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, — вспоминает Родзянко, — приходили на фронт с утечкой в 25% в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона, за исключением его начальника, прапорщиков и других офицеров”.²¹ Армия разваливалась еще быстрее после февральской революции. Если под ”армией” следует подразумевать организованные, дисциплинированные и боеспособные воинские подразделения, то надо признать, что к осени 1917 года армии у России уже не было.

Совершенно разладилась финансовая система страны. Первоначально известны бумажные деньги Временного Правительства, так называемые ”керенки”, которыми можно было обклеивать стены вместо обоев, так они обесценились. Положение можно сравнивать только со знаменитой инфляцией в Веймарской республике, когда марки приходилось считать миллионами и миллиардами. До мировой войны рубль был твердой валютой. И царское правительство не жалело денег. Австрийский министр иностранных дел О. Чернин вспоминал, что ”с первого же дня войны Россия... раскрыла свои золотые шлюзы, и Румыния была затоплена рублями”.²² К концу войны Россия не только не могла никого подкупать и никому давать займы, но и сама оказалась на грани банкротства. К концу 1915 года по официальным данным государственная задолженность достигала почти 19.000.000.000 рублей. К июлю 1917 года она уже достигла цифры 44.000.000.000 рублей, а к концу того же года перевалила за 60 миллиардов. ”Что обозначает для русского народа эта цифра? — спрашивал большевистский экономист М. Павлович, подводя итоги мировой войны для России. — Каково ее истинное значение с точки зрения тяжести, какой она ложится на плечи трудовых классов, беднейшего крестьянства и пролетариата? Численность населения России без Польши и Курляндии, определяется по официальным данным приблизительно в 150 миллионов душ. Разделив цифру государственного долга России, 60 миллиардов, на цифру населения, получим цифру 400. Таким

образом, при признании этого государственного долга, на душу населения в России пришлось бы более 400 рублей. Следовательно, в результате войны, отнявшей у народных масс столько жертв, искалечившей и отправившей на тот свет столько рабочих и крестьян, каждая рабочая или крестьянская семья в шесть человек оказывается награжденной долгом в 2. 400 рублей”.²³

Временное Правительство не контролировало ситуацию, не управляло страной. Оно окончательно потеряло всякое доверие не только рабочих, но и буржуазии, показав свою неспособность стать „настоящей” властью. Напротив ленинцы, благодаря своей жесткой организационной структуре оставшиеся дисциплинированной силой, вызывали все более широкие симпатии. В стране был вакуум власти. Это понимали не только большевики, но и монархисты. Контрреволюционные мятежи бывших царских офицеров были тому ярким доказательством. И не случайно, что восстание Корнилова, направленное против республики, было подавлено не официальной властью, у которой и войско не было, а Советами, уже перешедшими под контроль большевиков.

”Действительная ситуация русской революции после нескольких месяцев развития раскрывается в альтернативе — победа контрреволюции или диктатура пролетариата, Каледин или Ленин,”²⁴ — писала Роза Люксембург. Революция была подобна локомотиву, поднимающемуся в гору, остановка была невозможна, либо подъем, либо крушение, и это великолепно понял Ленин. Ход событий показал, что позиция, занятая большевиками, верна. Сущность ее состояла в сохранении организации, способной к действию. Лишь партия элиты могла выполнить роль политического авангарда в условиях страны, где масса трудящихся была полубезграмотной и дезорганизованной, но страстно жаждущей перемен. Рабочий класс, составлявший всего около 3 миллионов и совершенно большевизировавшийся, был единственной силой в России, сохранявшей хоть какое-то единство. К большевикам примыкают левые элементы из числа меньшевиков и эсеров, с ними связываются все надежды на спасение революции. От них ждут всего — мира, свободы, социализма.

”Не через большинство к революционной тактике, а через революционную тактику к большинству необходимо идти”²⁵ — так сформулировала Роза Люксембург опыт Ленина

и его товарищей в эти месяцы. Приближался второй год революции, а положение становилось все тяжелее. Нынешние либералы, сокрушающиеся по поводу крушения буржуазной демократии в России, не видят того, что она была обречена изначально, более того, в чистом виде ее никогда и не было. Это была лишь иллюзия, миф.

Но ”двоевластие” (а по существу — безвластие) очень дорого стоило России. Каждый месяц приносил новые разрушения. Западные губернии захвачены неприятелем. Заводы стоят. Традиционные классы и партии дезорганизованы. Отложенная земельная реформа остается в порядке дня, и если ее не проведут из центра, то она начнется стихийно в форме пугачевщины, бессмысленного и жестокого бунта. Кризис транспорта — самое ужасное в такой огромной стране как Россия. Именно железные дороги принесли цивилизацию в ее самые отдаленные районы. Ныне железные дороги умирают. Страна деградирует.

Все ждут от большевиков решающего шага. Они — последний шанс русской истории. Если подобно своим предшественникам они не решатся — распад и разложение продолжатся. Великая империя гибнет. Каледину ее не спасти. Если в 1917 году можно было бы сформулировать лозунг, определяющий самую суть деятельности большевиков, то он бы звучал так: цивилизация в опасности.

Решиться на взятие власти было трудно, это было нарушением демократических процедур и традиций, которые большевики защищали уже полтора десятилетия. Разве не Ленин еще во время событий 1905 года одним из первых выдвинул идею учредительного собрания? А теперь, не дожидаясь волеизъявления большинства, надо арестовать министров, сформировать свое правительство, опираясь на рабочих и солдат, составляющих какие-нибудь 5—6 миллионов населения в огромной стране. Зиновьев, Каменев, Калинин и другие представители „старой гвардии” протестовали. Именно поэтому в эти дни на первый план выдвинулся Троцкий, который еще недавно даже не был членом РСДРП (б), но зато был готов к решительным действиям. И большевики перешли Рубикон. Та легкость, с которой они овладели властью 7 ноября 1917 года, говорит о том, что Временное Правительство было уже простым мыльным пузырем. Его покинули все. Революция консолидировалась вокруг Ленина, контрреволюция вокруг царских генералов, промежуточные были размыты.

ИЗ ГЛАВЫ "ОТЛОЖЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ"

Бюрократические историки утверждают до сих пор, что пакт о ненападении, подписанный летом 1939 г., был образцом государственной мудрости и единственно правильным решением в сложной международной обстановке, что он укрепил положение СССР в мире, отсрочил войну и позволил советскому народу лучше к ней подготовиться. Именно как акт, отвечающий коренным интересам СССР, а, следовательно, мирового коммунизма, это событие было представлено партиям Коминтерна, у которых не оставалось иного выбора, чем согласиться с этим объяснением. Однако в действительности он нанес движению, еще не оправившемуся после испанской катастрофы, чудовищный моральный ущерб. Он подорвал веру в то, что „III Интернационал” это основной бастион антифашизма. Спустя 40 лет в газете Коммунистической партии Великобритании, некогда вынужденной поддерживать эту „новую линию”, пакт был назван „шоком для коммунистов и левых”.²⁶ Это вызвало бурю возмущения среди старых сталинистов, которые стали писать в редакцию длинные письма, полные брани и утверждающие, что договор Сталина с Гитлером был совершенно необходим.

Даже среди настоящих левых можно встретить мнение, что хотя с моральной точки зрения договор следовало бы осудить, но с точки зрения государственных интересов СССР решение было правильным. Коминтерн здесь был принесен в жертву Советскому Союзу, что в конечном счете можно понять.

Внимательное изучение фактов, однако, говорит о другом. Было ли подписание пакта столь неизбежным? Кое-что действительно толкало Сталина к такому решению. Англия и Франция, предав в Мюнхене Чехословакию, разрушили систему коллективной безопасности в Европе, расстроив все планы советской дипломатии. Капитулянтская политика западных правительств, их явное нежелание раз и навсегда положить конец нацистской агрессии, ставили СССР в невыгодное положение перед лицом растущей

опасности. В Мюнхен Советский Союз приглашен не был, и он оказался как бы вне большой игры. Провал англо-франко-советских военных переговоров также был весьма неблагоприятным фактором. Англия и Франция хотели союза, чтобы припугнуть Гитлера и избежать войны, а СССР — чтобы воевать. Поэтому соглашение не могло быть достигнуто в том смысле как этого желал Сталин. Советский Союз боялся оказаться оставленным один на один с Германией. Это толкало советское правительство на пересмотр своей позиции и на сближение с потенциальным врагом. Однако, забегаая вперед, стоит напомнить читателю, что в результате договора с Гитлером и невмешательства СССР в мировую войну как раз и возникла ситуация, при которой после германского нападения в 1941 году наша страна вынуждена была три года вести войну фактически в одиночестве, не имея долгое время возможности захватить стратегическую инициативу. Гитлер в самом деле очень боялся войны на два фронта. Сталин в 1939 году считал, что западные союзники готовы выставить на европейском фронте лишь очень малые силы. В 1941 году на Западе не было даже и этих небольших сил, не было вообще никакого фронта.

„Когда Гитлер, наконец, бросил свои армии против Советского Союза в июне 1941 года, почти два года спустя, он уже обладал почти всей Европой, мог использовать военную промышленность не только Германии, но и других европейских стран за исключением только Британии. Его войска чуть не взяли Москву и Ленинград в 1941 году; в следующем году они дошли до Волги и Кавказа, — пишет английский историк Д. К. Вотт. — В это время советское руководство требовало от Британии и Соединенных Штатов, чтобы они восстановили западный фронт, второй фронт, но этот западный фронт был ликвидирован гитлеровским захватом Франции и изгнанием британских войск с континента — в 1940 г. из Франции, в 1941 г. из Греции”²⁷ Из-за того, что Сталин проявил неуступчивость и отказался от союза с Англией и Францией в 1939 году, советский народ должен был потерять миллионы жизней, которые могли бы быть сохранены. Советские историки много и справедливо критикуют английское правительство, которое затягивало открытие второго

фронта вплоть до 1944 года. Но ведь в 1939 году Сталин по сути дела сам отказался от сотрудничества с Западом. Нет сомнения, что даже самый плохой договор с Англией и Францией в 1939 г. был все же лучше пакта с Гитлером. Он спас бы миллионы людей, предотвратил бы оккупацию Франции и западных районов СССР.

Гитлер отлично понимал, что заката между двух фронтов Германия неизбежно проиграет войну. Опыт 1914 – 1918 гг. не оставлял никаких сомнений. Поэтому он был крайне заинтересован в нейтралитете СССР, позволявшем ему разделаться с Польшей и Францией без большого труда. Подписывая 23 августа 1939 года договор о ненападении, конечно ни та ни другая сторона не собирались его выполнять. Но Германии удалось нарушить его первой и захватить инициативу.

Сталин не любил полумер. Он не только подписал договор о ненападении, его целью было сближение с нацистской Германией и как можно более тесное с ней сотрудничество. Отношение к фашизму в советской печати резко изменилось. До 22 августа в „Правде” велась яростная антинемецкая пропаганда. С 23 августа она прекращается, а 24 мы уже читаем следующее: „Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различие в идеологии и в политической системе не должно и не может служить препятствием для установления добрососедских отношений между обеими странами. Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик усилиями врагов (!) Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия своего развития и расцвета”²⁸

Как видите, с самого начала это было нечто большее, чем договор о ненападении. Но вот что любопытно: две страны, обещавшие не воевать друг с другом, тогда вообще не имели общей границы. В 1939 году Германия просто не смогла бы напасть на СССР, как это случилось в 1941 году. Зато Сталин мог первым нанести удар по германским войскам, если бы они вторглись на территорию Польши. Этого-то и боялся Гитлер. Когда соглашение было подписано, главное препятствие для нападения на Польшу было устранено и не прошло и недели как началась война.

Польское правительство, конечно, не собиралось просить помощи у СССР, даже если бы Сталин не подписал соглашения с Гитлером. Оно понимало, что если Красная Армия войдет в Польшу, то она может оттуда и не уйти. Но в условиях войны,

когда страна оказывалась обреченной на борьбу с превосходящими силами неприятеля, оно неизбежно вынуждено было бы изменить решение. Впрочем, Советский Союз мог действовать и без согласия Польши. Во всяком случае, он бы получил ряд важных преимуществ. Война бы велась на чужой территории, при поддержке Франции и Англии, которые, быть может, и не очень сильно бы влияли на ход событий, но все же сдерживали бы часть германских войск на Западе. Даже пассивная Франция принесла бы в войне больше пользы советскому народу, чем Франция оккупированная, промышленность и ресурсы которой достались агрессору. Все это не трудно было предугадать. Не случайно такой опытный дипломат как Литвинов отказался поддержать соглашение с Гитлером и подал в отставку с поста министра иностранных дел. Его сменил Молотов.

Сталин предпочел сотрудничество с Германией, ибо видел в нем путь к расширению своих владений. Вслед за Романовыми он верил, что могущество государства возрастает вместе с его территорией. А для бюрократа вопрос о могуществе имеет принципиальное значение. Как выяснилось, когда после войны были захвачены немецкие дипломатические документы, между СССР и гитлеровским „Третьим рейхом” был подписан секретный протокол о разделе сфер влияния. К Советскому Союзу должны были отойти Эстония, Латвия, Восточная Польша, Бессарабия, Финляндия. Сразу же после пакта с Германией СССР подписал договор с Эстонией, а затем и с Латвией, согласно которому в эти страны вводились советские войска. Для успокоения прибалтов в эти соглашения был включен пункт о невмешательстве СССР во внутренние дела этих стран. Вскоре затем Гитлер начал эвакуацию остзейских немцев из Эстонии и Латвии. После этого даже людям, не знавшим перипетий советско-германской секретной дипломатии, стало все ясно. Однако, всего за девять месяцев до окончательного присоединения прибалтийских республик, газета „Правда” писала, что „распространяется нелепая и клеветническая версия, будто эти договоры влекут за собой советизацию Эстонии и Латвии, несмотря на то, что в этих договорах ясно подчеркивается невмешательство во внутреннюю жизнь и уважение к государственному, социальному и экономическому строю договаривающихся стран”²⁹

Остается под вопросом целесообразность сталинской политики в прибалтийских республиках даже с точки зрения интересов бюрократии. До 1939 года эти государства играли роль буфера между Россией и Германией. Их независимость была отличным щитом для северной части России. Отодвинув границу на запад, Сталин надеялся защитить Ленинград, но, как известно, это не предотвратило быстрого немецкого наступления и блокады, которой подверглась „колыбель революции”. Умелая дипломатия в отношении Прибалтики могла бы дать лучшие результаты. Еще более невероятной была политика СССР в отношении Финляндии. Поскольку финское правительство не пожелало подчиниться воле Сталина так же безропотно как эстонское, началась позорная война, главным результатом которой было превращение Финляндии из союзника Англии и потенциального союзника СССР в борьбе против Германии в союзника Германии в войне с СССР.

Договор Сталина с Гитлером был зеленым светом для начала агрессии. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Сталин нанес полякам удар в спину, захватив их восточные провинции. „Вмешательство Советского Союза, — писал Ш. де Голль, — несомненно ускорило поражение поляков. Но в позиции, которую занял Сталин, неожиданно выступив заодно с Гитлером, отчетливо проявилось его убеждение, что Франция не сдвинется с места и у Германии, таким образом, руки будут свободными, и что лучше уж разделить с ней добычу, чем стать ее жертвой”.³⁰

Еще недавно советское правительство заявляло, что не претендует на чужие территории, теперь Сталин делил добычу с Гитлером. Западные компартии, вынужденные в соответствии с формулой „пролетарского интернационализма” поддерживать Москву, оказались в очень трудном положении. Их преследовали как друзей гитлеровской Германии. Во Франции компартия была запрещена, в Англии была закрыта газета „Дейли Уоркер”. Вместо того, чтобы призывать к решительной борьбе с фашизмом, они вынуждены были в полной изоляции критиковать „империалистическую войну” и требовать немедленного мира с Гитлером. Единый фронт сделался совершенно невозможен.

Нет ничего более „антисоветского”, чем наши же советские газеты, прочитанные задним числом. Наша официальная пресса

никогда не была особенно правдивой, но то, что творилось в газетах осенью 1939 года, было совершенно невероятным даже по нашим масштабам.

То и дело пересказывались статьи из „Фолькишер Beobachter” и других нацистских газет. Речи Гитлера воспроизводились почти полностью. Подробно повторялись все вымыслы геббельсовской пропаганды — о „массовом” движении за мир в Англии, о „нежелании” трудящихся Запада воевать против Гитлера, о преследовании инакомыслящих — не в Германии — в Англии.

28 сентября 1939 года немецкий министр иностранных дел Риббентроп вновь был в Москве. На сей раз был заключен договор о дружбе и границах между СССР и гитлеровской Германией. К советской сфере влияния была присоединена также Литва, раздел Польши был оформлен официально. Было принято совместное заявление, гласившее: „После того как германское правительство и правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией с другой стороны отвечала бы интересам народов. (...) Если, однако, усилия обоих правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах”.³¹ На следующий день после публикации этого замечательного в своем роде документа Риббентроп сделал заявление для советской прессы, в котором назвал англо-французские правительства „поджигателями войны”, вспоминал „исключительно сердечный прием”, оказанный ему Сталиным и Молотовым, говорил, что „германо-советская дружба установлена окончательно”.³²

Пропагандистский аппарат Сталина тем временем работал вовсю, чтобы доказать, что именно гитлеровская Германия проводит миролюбивую политику и является чуть ли не жертвой агрессии. Параллельно велась дикая антипольская кампания,

начавшаяся незадолго до вступления советских войск на территорию Польши и затем продолжавшаяся непрерывно в течение долгого времени. Советское руководство возложило на поляков всю ответственность за возникновение войны. В 1940 году вышел 46-й том „Большой Советской Энциклопедии”. Читая там статью „Польша”, не веришь собственным глазам. Создается впечатление, будто Польша напала на Германию и Гитлер был вынужден защищаться. „Ввиду обострения данцигского вопроса, — писал некий У. Шустеров, — польские правители и генералы, окончательно продавшись империалистам Англии и Франции, рассчитывали при помощи последних урвать новые территории за счет Германии, Словакии, Литвы и, в первую очередь, за счет Советского Союза”.³³ Та реальность, что вовсе не поляки, а как раз Гитлер и Сталин „урвали новые территории”, естественно, не принималась во внимание. Сталин повторил старый гитлеровский трюк, обвинив своих противников в том, что они собирались совершить то, что он сам в конце концов сделал. В той же незабываемой статье говорилось, что „мудрая сталинская политика” сорвала „захватнические” планы Польши и положила конец ее „подлой и лживой политике”. Далее следовало нечто совсем уж невероятное: „Разоблаченные польские правители (видимо, от стыда — авт.) ввергли страну в войну с Германией”.³⁴ Вот так. Ни больше ни меньше.

Молотов торжественно заявлял, что события, последовавшие затем, „показали внутреннюю несостоятельность (!) и явную недееспособность польского государства”.³⁵ Совсем замечательно, что Молотов даже не потрудился придумать новую терминологию. Все его формулы заимствованы из германской прессы. Еще когда Гитлер захватил Чехословакию, в немецких заявлениях повторялись слова о „внутренней несостоятельности” или „распаде” чешского государства. Потом то же самое стали говорить и про Польшу. „Искусственное” польское государство было ликвидировано по обоюдному согласию Гитлера и Сталина. „Германо-советским договором о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 года были точно определены границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего польского государства, — сообщает нам „Энциклопедия” на довольно своеобразном бюрократичес-

ко-тавтологическом языке (надеюсь, что читатель оценит его прелесть). — „Статья П договора гласит, что „обе стороны признают установленную в статье 1 границу обоюдных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение”.³⁶ Вчитайтесь внимательнее в эти слова. Сталин признавал оккупацию Гитлером Польши и ликвидацию польской независимости! Во избежание всякого рода необоснованных слухов 18 сентября 1939 г. советское и германское правительства издали совместное коммюнике о действии своих войск в Польше. Из этого документа и из коммюнике от 22 сентября 1939 года следовало, что советские и немецкие войска действуют согласованно. По окончании польской кампании в Бресте был проведен совместный парад советских войск и гитлеровцев.

Но вершиной всей этой политической кампании была речь Молотова, опубликованная в „Правде” 1 ноября 1939 года. Молотов торжественно объявлял, что Польша — „уродливое детище версальского договора” — пала под ударами советских и германских войск. „Известно, например, — продолжал он свои рассуждения, — что за последние несколько месяцев такие понятия как „агрессия” и „агрессор” получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. (...) Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны против заключения мира. Роли, как видите, меняются”.³⁷ Может быть Молотов забыл — какой режим господствует в Германии? Отнюдь. Этот режим, как выяснилось, для советского министра был вполне приемлем. Войну против гитлеровской идеологии за демократию он назвал варварством, дикарством, уподобил религиозным войнам средних веков. „Не к этим ли временам средневековья, — вопрошал он, — к временам религиозных войн, суеверий и культурного одичания тянут нас господствующие классы Англии и Франции (заметьте, не Германии, а Англии и Франции! — авт.)? Во всяком случае, под „идеологическим” флагом теперь затеяна война еще больших масштабов и представляющая еще больше опасностей для народов Европы и всего мира. Но такого рода

война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему (!?), можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за „уничтожение гитлеризма“, прикрываясь фальшивым флагом борьбы за „демократию“.³⁸ Теперь, кажется, все ясно?

Летом Сталин приступил к захвату прибалтийских республик. Уже 30 мая 1940 года в газетах появилось сообщение о провокациях литовских властей по отношению к красноармейцам. 16 июня, вопреки обязательству не вмешиваться во внутренние дела прибалтийских стран, зафиксированному во всех соглашениях, Сталин потребовал немедленной отставки всех трех прибалтийских правительств. Вместо них в каждой республике должно было быть немедленно „сформировано такое правительство, которое было бы готово обеспечить честное проведение в жизнь... Договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора“.³⁹ Предшествующие руководители этих стран обвинялись в создании тайной военной организации, направленной против СССР, а единственным „доказательством“ было „создание в феврале 1940 года специального органа военной Балтийской Антанты — „Ревью Балтик“, издаваемого на английском, французском и немецком языке в г. Таллине“.⁴⁰ О том, что Балтийская Атланта существовала задолго до подписания советско-прибалтийских соглашений, в советских документах предпочитали не упоминать. Республики были оккупированы и 3–6 августа — „приняты“ в состав СССР“.⁴¹

Тем временем Германия разворачивала агрессию на Западе. Пришла очередь Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, наконец, Франции. Все это время между Германией и СССР существовало тесное военное и экономическое сотрудничество, помогавшее Гитлеру осуществлять свои замыслы. СССР заключил с Германией, а также ее союзниками 14 разного рода официальных договоров и соглашений. Но этим дело не ограничивалось. Имело место явное политическое сближение двух диктаторов. В. Леонард говорил летом 1979 года в телевизионном интервью, посвященном пакту Сталина с Гитлером, что советские органы

госбезопасности выдавали гестаповцам немецких и австрийских коммунистов. Советский дипломат Е. Гнедин, арестованный в 1939 г., в своих воспоминаниях также сообщает, что „после августа 1939 года органы НКВД вступили в контакт с гитлеровским аппаратом, в частности, когда передавали ему немецких антифашистов, арестованных в СССР“.⁴² Между службами безопасности двух стран быстро возникло своего рода профессиональное сотрудничество. „На допросе в ноябре 1939 г. — рассказывает Гнедин, — следователь не только угрожал арестовать мою жену, но и прибег к грязному политическому шантажу. „Изобличая“ меня как „германского шпиона“, старший лейтенант НКВД СССР заявил, что доказательства получены от... гестапо. Следователь поведал мне, что СССР в дружбе с гитлеровской Германией, и добавил с таинственным видом, как бы раскрывая служебный секрет: „Так что мы обмениваемся с гестапо материалами“. Из чего вытекало: „Мы все о вас знаем“. Это было сказано многозначительным и зловещим тоном. Я привожу точно его аргументацию; хорошо помню слова о том, что НКВД обменивается материалами с гестапо!“⁴³

Внутри СССР велись расправы с антифашистами. Арестованный в Москве в апреле 1941 г. Дьердь Лукач старательно умалчивал о своей борьбе против фашизма в Венгрии, опасаясь, что это ухудшит его положение. Возможно, именно в качестве скрытого противника пакта он и был арестован. Об этом говорит то, что когда Германия нарушила соглашение, его освободили. Сталинская пропаганда изображала Германию дружественной страной. Даже в детских книжках про Красную Армию в качестве наших потенциальных противников изображались англичане.

В связи со слухами о приближающейся войне между СССР и Германией, ТАСС дважды выступало с заявлениями, в которых говорилось, что „все эти слухи, нелепость которых и так очевидна, совершенно не соответствуют действительности“.⁴⁴ Когда Германия, Италия и Венгрия напали на Югославию, Советский Союз послал протест... Венгрии. Ровно за год до нападения Гитлера на СССР ТАСС заявляло: „В соответственных советских кругах считают, что распространители этих слухов преследуют специальную цель — набросить тень на советско-гер-

манские отношения. Но эти господа выдают свои затаенные желания за действительность. Они, видимо, не способны понять тот очевидный факт, что добрососедские отношения, сложившиеся между СССР и Германией в результате заключения пакта о ненападении, нельзя поколебать какими-либо слухами и мелкотравчатой пропагандой, ибо эти отношения основаны не на преходящих мотивах конъюнктурного характера, а на коренных государственных интересах (!) Германии и СССР".⁴⁵ За восемь дней до войны, 14 июня в ответ на английские предупреждения, ТАСС вновь заявляет, что „эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны".⁴⁶

Вряд ли что бы то ни было может оправдать чудовищное предательство, совершенное в 1939 году, этот „крутой поворот сталинизма". Последний аргумент сталинистов, говорящих, что двухгодичная отсрочка помогла СССР лучше подготовиться к войне, отпадает сам собой. Невероятные поражения Красной Армии летом 1941 года показывают, что мы были к войне совершенно не готовы. Хуже того. Степень подготовленности была ниже, чем в 1939 году: старая линия обороны была разоружена, новая еще не построена. Отодвинув границы, Сталин одновременно значительно ослабил их. О чудовищной неподготовленности Красной Армии писал А. М. Некрич в своем исследовании „1941 22 июня" (эта книга впоследствии была изъята из библиотек).

Сколько миллионов жизней стоила народу политика бюрократии? Сосчитать это уже невозможно. Разрушенные города, сожженные деревни, выведенные из строя заводы — вот цена политической беспринципности. Катастрофа, происшедшая 22 июня 1941 года, не была неизбежна. Ее подготовила сама власть.

Спрашивается — отвечал ли пакт с Гитлером интересам СССР? Решение этой проблемы может быть различным в зависимости от того, на стороне какого класса вы находитесь. Интересам бюрократии, желавшей покорить народы Прибалтики, Западную Украину, Белоруссию и Молдавию? Да, этим интересам он отвечал. Но народам Советского Союза он не принес ничего кроме страданий и позора.

„Что выиграли мы, — писал Сталин, — заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии".⁴⁷ К сожалению, Сталин не дал ответа на вопрос — почему все же мы потеряли в войне вдвое больше людей, чем немцы, а территорию, которую гитлеровцы оккупировали за несколько месяцев, нам пришлось отвоевывать несколько лет...

Договор 1939 года оказался эпилогом исторической драмы 30-х годов. Он завершал предательство советской бюрократией революционных идеалов. Не было ни одного принципа, который не был бы нарушен. Интересы мирового коммунистического движения и советского этакратического режима разошлись окончательно. Раскол был отныне только вопросом времени.

Борьба компартий в рядах антифашистского сопротивления, принесенные ими жертвы, заставили многих забыть о позорном оппортунизме Коминтерна в 1939 году. Совместные усилия, восхищение стойкостью СССР в войне (являвшейся заслугой не столько правительства, сколько народа, без самоотверженности которого победа была бы невозможна), все это временно укрепило зависимость компартий от СССР и усилило влияние всего движения.

Создание Сталиным после войны ряда марионеточных государств выдавалось им за новый этап мирового революционного процесса. На самом деле революция в Европе отодвигалась на неопределенный срок. Коммунисты не имели уже никаких шансов завоевать доверие большинства пролетариата, социал-демократия сдвигалась все дальше вправо, не без влияния самих масс, напуганных бюрократической кровавой карикатурой на социализм, которую теперь можно было изучить не только в русском, но и в восточноевропейском варианте. Раздел всего мира на два враждующих блока создал для левых сил, искавших своего пути к социализму, исключительно неблагоприятные условия.

„Поляризация левых и правых в 1917 году, — писал англичанин Э. Карр, — сменилась поляризацией Востока и Запада.

Отвращение к сталинизму породило, в нашей стране особенно, объединенный фронт левых и правых против СССР⁴⁸. Великая Надежда не воплотилась в жизнь. Ее убивали в сталинских концлагерях, ею торговали. Ее реализация оказалась отложенной на неопределенный срок. Люди, потерявшие веру в коммунистический идеал, не видящие силы, способной осуществить справедливость на земле, обратились к Богу. Но религия, помогая им сохранить духовность, не решала ни одну из сложных проблем общественной жизни. Другие становились жертвами безвременья и теряли веру во что бы то ни было, третьи надеялись на „мистического помощника“. Немногие стойкие продолжали борьбу. Пока есть жизнь, есть надежда.

Примечания

- 1 М. Блок. Апология истории. М., 1973, с. 77.
- 2 См. E. Fischer. Kunst und Koexistenz. Hamburg, 1966, s. 105
- 3 Н. Макиавелли. Сочинения, М.—Л., 1934, т. 1, с. 214.
- 4 Новый мир, 1969, № 4, с. 156.
- 5 М. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX века, М., 1924, с. 193
- 6 Там же, с. 186.
- 7 Там же, с. 206—208.
- 8 Февральская революция. М.—Л., 1925, с. 81.
- 9 М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. М.—Пг., 1923, с. 362.
- 10 Февральская революция, с. 51.
- 11 Там же, с. 406—407.
- 12 М. Покровский, цит. соч., стр. 213.
- 13 К. Шелавин. Очерки русской революции 1917, ч. 1. Пг., 1923, с. 125.
- 14 Седьмая (апрельская) конференция РСДРП (б). Протоколы. М., 1958, с. 83—84.
- 15 М. Покровский, цит. соч., с. 215.
- 16 Там же, с. 213.
- 17 Там же, с. 229.
- 18 К. Шелавин, цит. соч., с. 142.
- 19 М. Покровский, цит. соч., с. 223.
- 20 Энциклопедический словарь „Гранат“, 7-е изд., М., т. 40, с. 598.

- 21 Февральская революция, с. 24.
- 22 О. Чернин. В дни мировой войны. М.—Птг., 1923, с. 123.
- 23 М. Павлович. Итоги мировой войны. М., 1918, с. 23.
- 24 R. Luxemburg. Gesammelte Werke. Brl., 1974. Bd. 4, s. 339
- 25 Ibid, s. 341
- 26 Comment, 18 Aug. 1979, p. 261
- 27 Britain—USSR, 1980, № 57, p. 1
- 28 Правда, 24 августа 1939, с. 1
- 29 Правда, 14 октября 1939, с. 5
- 30 Ш. де Голль. Военные мемуары, 1, М., 1957, с. 56—57
- 31 Правда, 29 сентября 1939
- 32 См. Правда, 30 сентября 1939
- 33 Большая Советская Энциклопедия, изд. 1, М., 1940, т. 46, с. 344
- 34 Там же, с. 345
- 35 Правда, 18 сентября 1939
- 36 БСЭ, 1 изд., т. 46, с. 346. См. Правда, 29 сент. 1939.
- 37 Правда, 1 ноября 1939.
- 38 Там же.
- 39 Внешняя политика СССР, т. IY, М., 1946, с. 511.
- 40 Там же, с. 512.
- 41 В связи с судьбой Прибалтики вспоминаются слова, сказанные Литвиновым по поводу гитлеровских заявлений о „добровольном” присоединении чехов к „Рейху”: „Трудно поверить, чтобы какой-либо народ добровольно согласился на уничтожение своей самостоятельности и свое включение в состав другого государства, а тем более народ, который более сотни лет боролся за свою независимость и уже 20 лет сохранял свое самостоятельное существование” (Внешняя политика СССР, т. IY, с. 411).

- 42 Е. Гнедин. Катастрофа и второе рождение. Амстердам, 1977, с. 235.
- 43 Там же, с. 231.
- 44 Внешняя политика СССР, т. IY, с. 513.
- 45 Там же, с. 514.
- 46 Там же, с. 556.
- 47 Цит. по: История дипломатии, т. Ш, М.—Л., 1945, с. 689.
- 48 New Left Review, 1978, № 11 p. 29